

The background features a line art illustration. At the top, a large tree with a thick, winding trunk and many thin branches is shown. Below it, a city skyline with various buildings of different heights and shapes is depicted. At the bottom, another tree with a similar style is shown. The entire illustration is composed of simple black lines on a white background.

ДЖУМПА
ЛАХИРИ
ТӘЗКА

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111(73)

ББК 83.3(7)

Л12

Jhumpa Lahiri
THE NAMESAKE

Перевела с английского

Антонина Галль

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Ирина Бабушкина

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Лахири Д.

Л12 Тёзка : [роман] / Джумпа Лахири; [пер. с англ.
А. Галль]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 384 с. — (Серия
«Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-47-4

Ашок Гангули выжил в железнодорожной катастрофе, потому что в момент крушения не спал, а читал любимую книгу — томик Гоголя. Спустя годы, эмигрировав с женой в США, он назвал сына Гоголем, скрыв от мальчика истинную причину своего странного выбора. Америка стала для детей Гангули настоящей и единственной родиной, где каждый может добиться успеха. Но почему же тезке великого русского писателя так трудно почувствовать себя счастливым?

Роман лауреата Пулитцеровской премии Джумпы Лахири — трогательная семейная драма, которая поднимает близкие автору темы: столкновение разных культур, конфликт поколений, взаимоотношения молодых людей, стремящихся утвердиться в этом мире.

УДК 821.111(73)

ББК 83.3(7)

© Jhumpa Lahiri, 2003

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-47-4

1

1968

В этот августовский вечер, на редкость жаркий и душный, Ашима чувствует себя неважно. Она стоит около кухонного стола в маленькой квартирке на Централ-сквер, хмуря прямые черные брови, бросает в миску пригоршню хрустящего риса, затем, немного помедлив, добавляет туда же измельченный арахис, мелко нарубленный красный лук, соль, лимонный сок и тонкие ломтики острого зеленого перца. Но все равно без горчичного масла нужного вкуса не добьешься. Ни за что не добьешься! Через две недели Ашима Гангули должна родить, и в последнее время она питается только этой жгучей смесью, которая сродни той дешевой еде, что продают на улицах Калькутты в кулечках из старых газет. Даже сейчас, когда она на сносях, когда младенец занимает уже весь ее живот, а поясница постоянно ноет от его тяжести, ей до смерти хочется набить рот пряным душистым кушаньем. Ашима пробует приготовленную смесь — все равно чего-то не хватает. Может быть, добавить луку? Сложив руки на животе, она несколько секунд тупо смотрит на ряд крючков с развешанными на них толкушками, вилками и лопатками, покрытыми тонким слоем жира — от частого использования. Свободным краем сари Ашима вытирает со лба пот, переступает с ноги на ногу. Отекшие ноги болят, но линолеум приятно холодит босые ступни. Открыв дверцу

кухонного шкафчика, Ашима неодобрительно осматривает застеленные пожелтевшей бумагой полки — бумагу-то давно пора заменить! Она берет еще одну луковицу, острым ножом поддевает блестящую пурпурную шкурку. Боль налетает внезапно — сначала жар волной захлестывает ее тело снизу вверх, потом невидимая рука сжимает внутренности так неожиданно и сильно, что Ашима охает и сгибается пополам, открыв рот как для крика, но не издав при этом ни звука. Луковица с глухим стуком падает и катится под стол.

Первая схватка проходит, но через мгновение накатывает следующая волна боли, еще более сильная, пугающая. Поддерживая обеими руками живот, Ашима ковыляет в ванную и осматривает себя — на трусах расплзается пятно темно-бурой крови. Срывающимся голосом она зовет своего мужа, Ашока. За неимением кабинета он готовится к экзаменам по оптоволоконным технологиям в спальне, устроившись на краю кровати и разложив учебники на журнальном столике. Призывая Ашока на помощь, она не обращается к нему по имени. Даже думая о муже, Ашима не произносит его имени ни вслух, ни про себя — в бенгальских семьях это считается верхом неприличия. Такова многовековая традиция: жена получает фамилию мужа, но его имя, подобно поцелую или ласке, настолько интимно и сокровенно, что не должно упоминаться всуе. Поэтому сейчас, когда Ашима зовет Ашока, вместо его имени она выкрикивает что-то вроде: «Ты меня слышишь?!»

Ашок вызывает такси, и они мчатся по темным опустевшим улицам Кембриджа, сворачивают на Массачусетс-авеню, пролетают мимо зданий Гарварда и останавливаются перед приемным покоем больницы

Маунт-Оберн. Пока Ашима регистрируется у стойки, сбивчиво отвечая на вопросы о частоте и силе схваток, Ашок заполняет многочисленные анкеты. Потом Ашиму сажают в кресло и везут по сверкающим чистотой, залитым ярким светом коридорам, ввозят в лифт, который больше ее кухни раза в два, и поднимают на третий этаж, в царство рожениц. Путешествие завершается в родильной палате в самом конце просторного холла. Ашима, краснея от смущения, снимает нарядное сари из алого муршидабадского¹ шелка и вместо него надевает больничный халат в цветочек, едва достающий ей до колен. Сестра пытается аккуратно сложить сари, но после нескольких попыток справиться с шестью ярдами струящегося скользкого полотна с раздражением запихивает его в синий кожаный чемодан Ашима как попало. Ашима молчит, нервно сжимая руки. Ее гинеколог доктор Эшли, высокий худой красавец с пепельно-русой шевелюрой, заходит осмотреть свою подопечную. Головка ребенка расположена правильно, плод уже начал продвигаться вниз. Ашима говорят, что она все еще находится на ранней стадии родов, раскрытие матки произошло только на два дюйма, зрелость оценивается в пятьдесят процентов.

— Раскрытие? Что это означает? — испуганно спрашивает Ашима, и доктор Эшли снисходительно и успокаивающе похлопывает ее по руке.

Он поднимает вверх два прижатых друг к другу пальца, а затем разводит их в стороны, показывая, какой сложный путь предстоит пройти ее ребенку, чтобы благополучно выбраться наружу. Этот процесс очень непросто и займет немало времени, говорит доктор,

¹ Муршидабад — город в индийском штате Западная Бенгалия, бывшая столица Бенгалии; также одноименный округ. *Здесь и далее — прим. пер.*

а принимая во внимание, что у нее первая беременность, роды могут продлиться сутки, а то и больше. Ашима судорожно вздыхает, со страхом думая, сможет ли ее тело выполнить все, что от него требуется. Ей хочется видеть лицо Ашока, но муж выходит из палаты, как только там появляется доктор.

— Я зайду попозже, — шепчет ей Ашок на бенгали², а стоящая рядом медсестра строгим голосом произносит:

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Гангули. Рожать вашей жене еще не скоро, и, мне кажется, мы отлично справимся здесь без вас.

А потом все как-то разом уходят, предварительно задернув плотные зеленые занавески вокруг ее кровати, и она больше не видит других женщин, которые лежат в палате. Их три. Одну зовут Беверли (Ашима поняла это из обрывков разговора), другую — Луи. Слева от нее находится кровать Кэрол.

— Проклятие, ну когда же кончится это чертово мучение! — стонет одна из них, а раскатыстый мужской бас нежно произносит:

— Я люблю тебя, родная моя.

Ашима опять краснеет. Она никогда не слышала от своего супруга таких слов, да и не надеется услышать — не так они воспитаны. Она беспокойно ворочается на постели, устраивается поудобнее. В первый раз в жизни ей предстоит провести ночь без родных, да еще в окружении незнакомых людей: прежде она всегда спала в одной комнате с родителями, а потом в постели Ашока. Как жаль, что нельзя приоткрыть занавески и поговорить с американскими женщинами — может

² Бенгали, или бенгальский язык, — один из языков индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи. Распространен в штате Западная Бенгалия, а также в Народной Республике Бангладеш.

быть, среди них есть уже рожавшие, тогда она расспросила бы, узнала, чего ей ожидать. Однако Ашима уже достаточно долго живет в Америке и знает, что американцы, несмотря на их кажущуюся открытость и раскованность, их мини-юбки и бикини, прилюдные поцелуи, хождение за ручку и объятия прямо на кембриджских лужайках, очень ценят свою частную жизнь и держат ее за семью печатями. Ашима обхватывает руками огромный тугой барабан, в который превратился ее когда-то плоский живот, и пытается определить, что сейчас делает малыш. Может быть, он спит? Или сосет палец? Последние дни ребеночек что-то затих, перестал хулиганить, больше не пинает ее кулаком в живот, не давит всей тяжестью на ребра. А вдруг она — единственная индийская женщина на всю больницу? Стоит ей подумать об этом, малыш чуть поворачивается, уперев пятку Ашиме в бок и напоминая, что она уже не одна. Да, не одна, но все-таки как это странно — ее ребенок родится в больнице, в месте, где люди чаще всего болеют, страдают и умирают! До чего же скучно лежать вот так, совершенно нечем себя занять! Здесь не за что зацепиться взглядом, не на что смотреть — потертые плиты пола, белые плиты потолка и белые простыни, слишком туго заправленные под матрас, — вот и все. Как можно рожать в таком месте?! В Индии молодые роженицы едут домой, к родителям, к матерям, подальше от своих новых семей, мужей, свекровей, чтобы еще разок почувствовать себя маленькими девочками, прежде чем на свет появится их собственный малыш. Мама! Слезы наворачиваются Ашиме на глаза.

Ну вот, опять начались схватки, более сильные, чем прежде. Ашима уже не может сдерживать стоны, она прижимает лицо к подушке, хватается за ледяные

металлические стойки кровати как за спасительную соломинку. Что же никто не спешит к ней на помощь, никто как будто и не слышит ее! Сестра предупредила, что надо записывать продолжительность схваток, и Ашима бросает взгляд на часы. Эти часы — еще одно воспоминание о доме, подарок родителей. Кажется, мама в последний момент надела их на ее запястье в аэропорту, когда они прощались перед отлетом. От того дня в памяти Ашимы остался только разногласный гомон, слезы и шумные благословения родственников. Она и часы-то заметила не сразу. Сначала тяжелый «боинг» с ревом поднялся над землей, и Ашима прижалась носом к иллюминатору — она знала, что все двадцать четыре члена ее семьи наблюдают в тот миг за ними с балкона аэропорта Дум-Дум³. А потом они пролетели над всей Индией, даже над теми районами, в которых она раньше никогда не бывала. А через пару часов они вообще пересекли границу и устремились дальше, на запад. И тут она опустила глаза и заметила изящные часики среди двух десятков приличествующих замужней женщине браслетов, которые теперь украшали обе ее руки, — коралловых, железных, золотых, перламутровых. Вот смешно, право же: в больнице к ее браслетам добавили еще один — пластиковый, на нем мелкими буквами написано ее имя. Ашима переворачивает часы лицевой стороной к запястью. На внутренней стороне, окруженные заветными словами *противоударные, водонепроницаемые, немагнитные*, красуются ее инициалы — А. Г., Ашима Гангули, замужняя женщина.

³ Дум-Дум — аэропорт, расположенный неподалеку от Калькутты (с 2001 года официальное название — Колката). Современное название — Международный аэропорт имени Нетаджи Субхаса Чандры Боса.

Теперь часы на ее руке отстукивают американское время. На целых тридцать секунд волна боли плотно опоясывает тело, ее брызги по спине стекают к ступням. Но вот боль отступает, и Ашима может вздохнуть полной грудью. Она что, спала? Который сейчас час? Неужели уже утро? Делать опять нечего, и она битых десять минут вычисляет на пальцах индийское время — пересчитывает красно-коричневые кольца, нарисованные хной на тыльной стороне тонких пальцев. Она доходит до половины среднего пальца: в Калькутте на девять с половиной часов больше, чем здесь, там уже вечер, половина девятого. Ашима представляет себе кухню родительского дома на Амхерст-стрит — в это самое мгновение слуга, должно быть, наливает чай в стаканы, раскладывает на подносе печенье «Мария». Мать с отцом только что поужинали, вот они пьют чай, а потом мама встает у зеркального трюмо и распускает блестящие черные волосы, чуть-чуть тронутые сединой. Они ложатся на ее спину волнистой гривой, а она небрежно расчесывает их пальцами. Отец, должно быть, стоит у окна, прислонившись к своей запачканной чернилами конторке, что-то рисует на листе бумаги, курит, слушает «Голос Америки». Ее младший брат Рана лежит на кровати, а перед ним раскрытый учебник по физике — у него скоро экзамены. Ашима ясно представляет себе серый цементный пол в гостиной, сохраняющий прохладу даже в самые жаркие дни. Огромная черно-белая фотография покойных дедушки и бабушки, родителей отца, занимает почти всю левую сторону розовой оштукатуренной стены. Напротив, в нише, отгороженной дверцами из матового стекла, лежат книги ее отца, его акварельные краски, эскизы, наброски. Ашима закрывает глаза

и на несколько секунд забывает о боли, замороженная картинами, встающими перед ее мысленным взором. Но что это? Вместо привычных с детства милых сердцу сцен в голову лезут бостонские пейзажи: водная гладь реки Чарльз, темно-зеленая, глянцевая листва деревьев, окаймляющих Мемориал-Драйв, беспорядочно снующие по дороге машины. Ашима быстро открывает глаза и мотает головой — прочь! Она не желает видеть американские картинки.

Стрелка часов доползла до одиннадцати — для живущей в ускоренном темпе больницы наступает время обеда. Ашима несут поднос с ланчем — теплый яблочный сок, желе, мороженое и кусок вареной курицы. Пэтти, дружелюбная сестричка с рыжеватой челкой, выбивающейся из-под белоснежной шапочки, и бриллиантовым обручальным кольцом на пальце, ставит поднос на столик рядом с кроватью. Понизив голос, она советует Ашима ограничиться желе и соком. Ашима и так не прикоснулась бы к курице: американцы едят ее вместе с кожей — как такое вообще возможно? Она лишь недавно нашла более или менее цивилизованного мясника на Проспер-стрит, который за небольшую плату согласился снимать кожу с цыпленка. Пэтти взбивает ей подушку, поправляет сбившееся одеяло. Доктор Эшли просовывает голову сквозь занавеску и улыбается своей профессионально бодрой улыбкой.

— Все идет как надо, — щебечет он, подходя к кровати и прикладывая стетоскоп к коричневому пупку. — Бог мой, что за изумительные браслеты у вас, миссис Гангули! У нас нет ни малейшего повода для волнения — роды должны пройти как по маслу.

Но Ашима не может не волноваться. Последние полтора года, с тех пор как она переехала в Кембридж,

она волнуется по любому поводу. Ее беспокоит даже не боль — она почему-то уверена, что переживет ее, — и не сам процесс родов. Больше всего Ашиму пугает, нет, даже ужасает, ее будущее материнство. Одна, на незнакомой земле, без друзей и родных... Одно дело — беременность, хотя, небеса свидетели, и это было очень тяжело — по утрам тошнит, днем спина болит так, что невозможно наклониться, вечером ноги отекают, ночью по сто раз приходится бегать в туалет... Но все же, несмотря на все тяготы беременности, Ашиму не покидало ощущение радостного изумления перед таинством зарождения новой жизни, перед тем, как менялось и приспособлялось к новому состоянию тело, перед собственной способностью дать жизнь, как это сделали ее мать, и ее бабушки, и все бесчисленные прапрабабки и прапрапрабабки. А поскольку этот процесс начался и происходил так далеко от всех, кого она любила, он казался Ашиме еще более удивительным, сказочно-нереальным. А вот теперь ею постепенно завладевает страх — как она воспитает своего ребенка в стране, где, кроме мужа, у нее нет ни одного близкого человека? Где сама жизнь не основана на вековых традициях, а представляет собой некий сомнительный эксперимент?

— Миссис Гангули, поднимайтесь, — слышится над ее ухом голос Пэтти. Она пришла за подносом. — Давайте прогуляемся по коридору, вам не повредит немного размяться.

Ашима поднимает глаза на улыбающееся лицо медсестры и послушно откладывает в сторону изрядно потрепанный экземпляр журнала «Деш», который она купила в дорогу еще в Калькутте. У нее до сих пор не хватило мужества выбросить его, хотя она по сто раз перечитала все рассказы, выучила наизусть все стихи

и разгадала все кроссворды. На одиннадцатой странице красуется рисунок отца — изящный набросок вида на крыши Калькутты, выполненный черной тушью. Она прекрасно помнит то туманное январское утро — отец рисовал, стоя на балконе их квартиры. Она тогда подошла к нему сзади, прижалась к его плечу и долго смотрела, как он водит кисточкой, низко склонившись над мольбертом и не выпуская изо рта зажженной сигареты. Потом пришла мать и набросила ему на плечи черную кашмирскую шаль.

— Хорошо, спасибо, — говорит Ашима.

Пэтти помогает Ашиме слезть с кровати, надевает тапочки на ее босые ноги, подает ей еще один халат.

— Вы только представьте себе, — с энтузиазмом говорит Пэтти, широко распахивая голубые глаза, — завтра или послезавтра вы уменьшитесь в размере по крайней мере вдвое!

Ашима с трудом встает на ноги — сейчас ей сложно в это поверить. Она послушно протягивает Пэтти руку, и они медленно бредут по коридору в сторону холла. Через несколько шагов Ашима останавливается — внезапная резкая схватка на этот раз отдается в спине такой болью, что она не может сдержать стон. Глаза против ее воли наполняются слезами.

— Я не могу больше идти, — шепчет Ашима.

— Ерунда, прекрасно можете! Вот, держите меня за руку. И сжимайте ее со всей силой — это поможет.

Наконец схватка заканчивается, и они двигаются дальше, к сестринскому посту.

— Ну, кого же вы ждете, мальчика или девочку? — интересуется Пэтти.

— Мне все равно, главное, чтобы было по пять пальцев на ногах и на руке, — бормочет Ашима: такие

мелочи почему-то кажутся ей сейчас особенно важными.

Пэтти смеется, пожалуй, неестественно громко, и Ашима вдруг с досадой замечает свою ошибку — надо ведь было сказать *на руках* и *на ногах*! Как она могла перепутать — у нее всегда были хорошие оценки по английскому языку, она все рефераты писала по-английски! Еще студенткой колледжа Ашима постоянно занималась с соседскими детьми, устраиваясь вместе с ними на веранде или в спальне. Она помогала детям заучивать стихи Теннисона и Вордсворта, справляться с трудностями английского произношения и правописания, отличать шекспировскую трагедию от трагедии Аристотеля. Но на ее языке *рука* и *руки* произносятся одинаково, и ничего с этим не поделаешь.

После одного из таких занятий мать, встретив Ашиму на пороге, шепотом велела ей пройти в спальню и переодеться: к ней пришел очередной жених, третий за несколько месяцев. Первый был вдовцом с четырьмя детьми. Вторым, карикатуристом, работавшим в газете и хорошо знавшим ее отца, потерял руку, после того как его сбил автобус. Ашима была очень рада, что оба они отвергли ее. Ей было девятнадцать лет, она училась в колледже, и семейная жизнь ее вовсе не привлекала. Поэтому послушно, но без особого рвения Ашима расплела косы, расчесала и уложила волосы, подсурила глаза и брови, прошла по лицу бархатной пуховкой с тонкой рисовой пудрой. На постели уже лежало разложенное матерью яблочно-зеленое сари, и Ашима тщательно обернула струящуюся материю вокруг талии, заложила должное количество складочек за нижнюю юбку, длинный конец сари закинула за плечо.